

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

**ТЮРКСКИЕ
И
МОНГОЛЬСКИЕ
ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ**

**Текстологические
и культуроведческие
аспекты
исследования**

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1992

РАССКАЗ О ПОХОДЕ ФЛОТА УМУРА АЙДЫНОГЛУ
В ЧЕРНОЕ МОРЕ В ХРОНИКЕ ЭНВЕРИ "ДЮСТУР-НАМЕ"¹

Стихотворная хроника Энвери, завершенная в месяце зильхидже 869/августе 1465 г., принадлежит к числу наиболее ранних произведений османской историографии.

"Дюстур-наме" — месневи в 3730 бейтов — состоит из 22 глав (*баб*). Условно поэму можно разделить на три части: первая (главы I—XVII) включает в себе сведения по всемирной истории (в основном это переложение на старый анатолийско-тюркский язык персидской хроники Бейзави "Низам ат-теварих", завершенной в 1275 г.), вторая (глава XVIII в 1707 бейтов) является сказанием о героических деяниях айдынских беев в первой половине XIV в. и, наконец, третья часть (главы XIX—XXII) — это история Османской династии до 1464 г. [21, с. 3—6].

Наиболее интересна вторая часть поэмы, поскольку период бейликов (эмиратов) в истории Турции (70-е годы XIII — первая половина XV в.) сравнительно бедно освещен в источниках. Айдынский эмират в 30—40-е годы XIV в. стал одним из сильнейших среди бейликов Малой Азии. При Умур-бее (1334—1348) флот айдынцев постоянно совершал набеги на территории Латинской Романии, наемники-турки были одной из главных сил, на которые опирался Иоанн Кантакузин в своей борьбе с Палеологами за византийский престол. В "Дюстур-наме" рассказывается о походах айдынцев на острова Архипелага, Негропонт, Пелопоннес, в Фессалию, Македонию, Фракию.

Хроника "Дюстур-наме" известна в двух списках. Парижский (конец XV в.) почти полностью опубликован Мюкримом Халилем [15] и частично (глава XVIII) издан в транскрипции с французским переводом И. Меликовой-Сайар. Измирский список (рамазан 894/август 1489 г.) был использован И. Меликовой-Сайар при подготовке издания [16].

Мюкримин Халиль является также автором первого исторического комментария к хронике [21]; в свою очередь, издание И. Меликовой-Сайар стало объектом исследования для известного французского византиниста П. Лемерля, скрупулезно сопоставившего сведения Энвери с источниками византийского и западноевропейского происхождения [19].

Таким образом, изучение поэмы, особенно ее восемнадцатой главы, имеет прочные традиции. Тем не менее до сих пор остается нерешенным вопрос об источниках, использованных Энвери для создания эпического повествования о

¹ Расширенный вариант доклада, прочитанного на "Бартольдских чтениях" в мае 1987 г. См. [1].

подвигах Умура Айдыноглу. Исследователи практически единодушны в том, что поэт располагал текстом произведения, составленного в середине XIV в. Явное указание на существование оригинального сочинения содержится, например, в строках 1865—1866² поэмы, где сказано:

Рассказ об этом от Хадже Сельмана был услышан
И автором записан слово в слово.

Хадже Сельман, как становится ясно из текста самой поэмы, был одним из эмиров Умура Айдыноглу, строителем его флота (стк. 93—94; 145—146). Неясно, однако, было ли это оригинальное произведение единственным источником для Энвери. Кроме того, предстоит еще выяснить, насколько первичный текст был изменен поэтом при составлении "Дюстур-наме". В связи с этим особо актуальной становится задача вычленения элементов первичного текста и их более точная (по сравнению с лемерлевской) хронологическая привязка.

Достижение поставленной цели в настоящее время отчасти становится возможным благодаря изданию новых источников, в основном греческого происхождения. Например, опубликованное недавно описание осады Филадельфии Умур-беем весной 1348 г., автором которого является очевидец — житель этого византийского города³ [13], на мой взгляд, дает веское основание считать, что Энвери сознательно изменил хронологию, поместив рассказ об осаде айдынцами Филадельфии (стк. 977—1032) перед событиями 1335 г., т.е. перед встречей Умур-бея с императором Андроником III в период Фокейской войны византийцев с генуэзцами. Подобное нарушение канвы повествования позволило Энвери по-своему объяснить причины заключения союза между айдынским беом и византийским императором. Согласно Энвери, не поражения 1334 г. на море от флота Священной лиги⁴ принудили Умура к сближению с Византией, а, напротив, осада турками Филадельфии заставила Андроника III искать дружбы с могущественным айдынским эмиром. Кроме того, Энвери сделал попытку обосновать "законные права" Мехмеда II Фатиха на о-в Хиос, внося в текст хроники строки 1077—1080, в которых говорится о передаче острова императором во владение Умур-бею⁵. Хиос был завоеван осман-

² Здесь и далее все ссылки на строки поэмы даются по изданию И.Меликовой-Сайар [16].

³ Мне не кажутся убедительными выводы в комментариях этого описания, сделанные Э.А.Захариаду [27, с. 78—80] и П.Лемерлем [20, с. 55—67]. Согласно этим исследователям, следует различать две осады: 1335 и 1348 гг. Между тем сам факт осады 1335 г., насколько мне известно, пока не подтвержден другими источниками. С другой стороны, между описанием очевидца и рассказом Энвери имеется целый ряд существенных совпадений, на которые обратила внимание издательница текста М.Курупу [13, с. 69]. Подробнее см. [3].

⁴ О действиях латинского флота в этот период см. [28, с.29—35].

⁵ Эти строки Энвери стали объектом ряда комментариев. Большин-

цами лишь в 1566 г., но соответствующее историческое обоснование готовилось заранее. Здесь уместно вспомнить, что после захвата Константинополя Мехмед Фатих считал себя единственным законным наследником "империи ромеев" [18, с. 56].

Между рассказом о встрече Умура с Андроником III, которая состоялась на императорской галере у мыса Карабурн осенью 1335 г., и повествованием о гражданской войне в Византии, начавшейся после смерти императора (15 июня 1341 г.), у Энвери помещены рассказы о ряде морских набегов айдынцев, в том числе о походе огромного флота Умура Айдыноглу (300 судов) в Черное море и разграблении турками г. Килии в "стране влахов" (стк. 1085—1208, 1209—1306).

Описание черноморской кампании вызывает вопрос, не имеем ли мы в этом случае дело с "личным вкладом" поэта в цепь повествований о героических деяниях Умур-бея. Согласно Энвери, по пути в Черное море айдынцы переправляют свои суда по суше у крепости Герме (по намыленным каткам), затем флот прибывает в Константинополь, где не названный по имени правитель (текфур) оказывает Умуру почетный прием. Захватив Килию и разграбив окрестные земли, айдынцы на обратном пути вновь перетаскивают свои суда у Герме и благополучно возвращаются в Измир. Подозрительность всех этих деталей усугубляется тем фактом, что византийские авторы не упоминают о подобном подвиге Умур-бея. Кроме того, считать поход айдынцев в Черное море чистым вымыслом позволяет то обстоятельство, что побудительные мотивы сочинения этой истории также вполне объяснимы. Известно, что в 1462 г. Энвери принимал участие в валахской кампании султана Мехмеда II, в походе против господаря Влада Цепеша. Османский флот, которым командовал сам султан, совершил переход от Стамбула к дельте Дуная и подверг бомбардировке Килию. Ратные подвиги османцев в Валахии Энвери прославил в своей поэме "Тефер-рюч-наме", которую в том же, 1462 г. он преподнес султану Мехмеду Фатиху. Сухопутную армию османов в этом походе возглавлял покровитель Энвери великий везир Махмуд-паша, которому позднее Энвери посвятил свою поэму "Дюстур-наме". Можно, таким образом, предположить, что, сочиняя историю о походе Умур-бея на Килию в "страну влахов", Энвери преследовал чисто идейные цели.

Необходимо отметить, что эти факты из биографии Энвери были хорошо известны П.Лемерлю, тем не менее автор комментария к хронике Энвери принял эту историю за чистую монету, предположительно датировав поход айдынцев к устью Дуная иклем—сентябрем 1341 г. [19, с. 136—141].

Насколько мне известно, лишь Э.Франчес в рецензии на

ство из них сводится к попытке трактовать эти строки как заслуживающие доверия данные о передаче Андроником III Умуру прав на какие-то налоговые поступления с Хиоса [21, с. 38—39; 19, с. 114—115; 28, с. 39—40, примеч. 156].

книгу П. Лемерля категорически отказал в доверии Энвери, впрочем в основном исходя из общих соображений о невозможности подобного предприятия в ту эпоху [7, с. 277].

Критический голос Э. Франчеса не был услышан. Данный отрывок из "Дюстур-наме" был включен в хрестоматию османских документов по истории Румынии [12, с. 33-38], как исторический факт поход айдынцев на Килию фигурирует в османистических исследованиях последних лет [14, с. 27], в специальных работах были предложены даже новые датировки дунайского похода Умур-бея [11, с. 3-23]. На мой взгляд, настало время пересмотреть сложившееся представление, однако сейчас для этого следует не только ответить на вопросы, что, при каких обстоятельствах и зачем [4, с. 201] было сделано Энвери, но и объяснить, как это было сделано.

Итак, по словам Энвери, уже после встречи Умур-бея с императором Андроником III у мыса Карабурун в Измир прибыл посол от каталонцев с просьбой отразить ожидаемое нападение некоего Гафрилийиса, очевидно заместника номинального герцога Афин Готье II (VI) де Бриеня в Ароглиде Фушероля⁶. Умур направил к Афинам, столице Каталонского герцогства, свой флот. По прибытии в Афинскую гавань айдынцы были поставлены в известность, что угроза миновала и с врагом заключен мир. Это привело в ярость Умур-бея, который приказал разграбить как владения каталонцев, так и земли Фушероля. Затем флот возвратился в Измир (рубрика и стк. 1085-1118).

Поскольку известно, что в течение года после заключения 9 марта 1337 г. договора с венецианским дукой Крита Джованни Санудо айдынцам воспрещалась любая навигация [28, с. 190], то наиболее оправданной датировкой этого похода мне представляется весна 1339 г. Именно на этот период пришлось очередное обострение отношений между каталонцами и папством, поддерживающим притязания Готье II на Афины [19, с. 122].

Следующей целью айдынцев стал Архипелаг. Среди островов, подвергшихся нападению флота Умур-бея, хроника называет Андрос, Наксос и Парос, а также Санджунос и Сангунос (стк. 1119-1122). Два последних топонима отождествляются издателями и комментаторами с названиями о-вов Сифнос и Сикинос [21, с. 40; 16, с. 86, примеч. 5; 19, с. 124]. На самом же деле речь идет об островах Тинос и Миконос. Этот вывод можно сделать на основании карт, имеющих в атласе знаменитого турецкого адмирала Пири Рейса "Китаб-и бахрийе" (1525 г.). На о-ве Тинос (Истендин) адмиралом обозначена основная гавань: залив Св. Иоанна (Сан Джуван), а на о-ве Миконос (Мокене) — церковь Св. Георгия (Сан Джурджи), расположенная на берегу

⁶ Идентификация Э. А. Захариаду [26, с. 837, примеч. 94]. В настоящее время мне уже не представляется оправданным предположение Э. А. Захариаду [26, с. 833, примеч. 67], что данный рассказ Энвери следует отнести к 1329 г. Ср. [2].

бухты с якорной стоянкой [25, с. 271, 273]. Оба острова находятся как раз на пути между Андросом, который Энвери называет первым, и Наксосом и Паросом, названными в хронике последними. Этот поход айдынцев, по моему мнению, следует датировать 1340 г., когда почти вся Романия подверглась опустошительным набегам турок [28, с. 41].

После набега на острова Архипелага айдынцы направились к гавани Коч и разграбили "страны сербов и албанцев". На мой взгляд, словом Коч у Энвери передан топоним Модон. Название этого принадлежащего Венеции южнопелопоннесского порта (Mothone) на слух практически неотличимо от итальянского слова montone ("баран"). Подкреплением предлагаемой мною идентификации служит как полное семантическое совпадение этих слов в обоих языках (коç в турецком и montone в итальянском), так и описание маршрута в хронике: от берегов Негропонта флот Умура направился к Модону и айдынцы разграбили "страны сербов и албанцев". Вероятно, автором этих строк (стк. 1135–1136) является сам Энвери, начавший исказить первоначальный текст хроники для придания правдоподобности сочиненной им истории о походе флота Умур-бея в Черное море. Коль скоро Умуру удавались рейды в обход Пелопоннеса "в страны сербов и албанцев", то у потенциальных слушателей уже не возникало сомнений в способности айдынского бея совершить набег на Килию, расположенную в устье Дуная.

Авторство Энвери, как мне представляется, подтверждается также тем обстоятельством, что дальнейший рассказ Энвери (стк. 1137–1158) производит странное впечатление: с одной стороны, он весьма неопределенен в географическом отношении (айдынцы штурмом берут какой-то город), а с другой — чрезвычайно подробен и точен в деталях (описание грабежа богатого христианского храма в захваченном городе, перечисление добычи, доставшейся при захвате большого торгового корабля "франков"). Станным также выглядит рассказ (и это было отмечено П.Лемерлем [19, с. 116–117]) о высадке айдынцев у Фив. Здесь им пришлось столкнуться с большим каталонским войском. Сражение продолжалось несколько дней, затем Умур бросил корабли и приказал отступить, несмотря на то что все воины-гази были против (стк. 1159–1170). С большими приключениями, потерпев по дороге кораблекрушение, Умур вернулся в Измир, где все население уже облачилось в траур по нему (стк. 1171–1203).

Правильно интерпретировать этот отрывок вновь помогает Пири Реис, в 1499 г. принимавший участие в осаде османами Навпакта (Лепанто, Инебахты). В своем атласе адмирал пишет: "А дальше к северо-западу от упомянутого лимана Аспира Испитийе есть крепость, называемая Салина (Салона. — К.Ж.). В сторону от этой крепости, по направлению к Инебахты, есть небольшой остров, именуемый Кешишлик (Монастырь. — К.Ж.). Упомянутый остров был завоеван еще покойным Гази Умур-беем. Я даже слышал от тамошних стариков-гяуров, что покойный Гази Умур-бей из Афинского залива в упомянутый залив Инебахты (а расстояние

между заливами по суше 6 миль) переправил свои суда волоком. И после того как завоевал некоторые земли по берегам залива Инебахты⁷, о котором идет речь, упомянутые свои корабли там сжег, а захваченных пленников погнал посуху и возвратился на эту сторону"⁸ [25, с. 315–316; 17, с. 798].

Х. Акын, первым обративший внимание на это сообщение Пири Реиса, отметил также, что один из заливов на Коринфском перешейке (вблизи крепости Герме) именовался в XV–XVI вв. гаванью Умур-бея [10, с. 44–45]. Из этого, однако, турецкий историк не сделал никаких выводов. Крепостью Герме, как известно, османы называли Гексамилион (Шеститысячник) — стену, наглухо перегораживающую перешеек. Эту стену, возведенную на месте старых укреплений в 1415 г. императором Мануилом II [5, с. 34–35], османам в XV в. приходилось брать штурмом несколько раз [5, с. 35, 38–39; 23, с. 169, 188, 199; 9, л. 182а, 232а, 245а–246а]. Одним из таких приступов в 1463 г., что особенно интересно, командовал великий визир Махмуд-паша, в ставке которого тогда находился Энвери⁹. Что касается гавани Умур-бея вблизи Герме [9, л. 362а; 22, с. 425], то это, по всей видимости, порт Посейдония, откуда шла специальная дорога для перевозки кораблей через перешеек, построенная еще в античные времена [24, с. 2, 10].

Надо отметить, что сочинение вымышленной истории о походе айдынцев в Валахию не потребовало от Энвери большого труда. Сделать это было очень просто, поскольку, переправившись через Коринфский перешеек, айдынцы действительно очутились в "стране влахов" (Великая Валахия — так называлась Фессалия в XIV в. [19, с. 131–132]). Кроме того, как представляется, описание грабежей в "стране влахов" и подробности о лишениях, претерпеваемых Умур-беем по возвращении из Килии, — это реалии похода айдынцев в Коринфский залив.

Относительно датировки этого похода можно сказать следующее. Известно, что летом 1341 г. Умуром был снаряжен огромный флот (250 судов), который айдынский эмир намеревался направить к берегам Византийской империи. Великому domestiky Иоанну Кантакузину, впоследствии им-

⁷ Возможно, одним из свидетельств набега Умур-бея является византийская церковь замка на горе Св. Феодора (северное побережье Коринфского залива), сожженная, по данным археологических исследований, в середине XIV в. См. [24, т. 1, с. 53–54]. Не о ней ли говорит Энвери, описывая грабеж богатого христианского храма? (стк. 1137–1152).

⁸ Перевод И. Меликовой-Сайар [16, с. 90, примеч. 1] неточен.

⁹ По всей видимости, поэт сопровождал Махмуд-пашу и в последующей за взятием Герме экспедиции к Лесбосу весной 1464 г., когда османский флот отражал нападение венецианцев [9, л. 246а–246б]. На мой взгляд, именно в это время в руки Энвери мог попасть текст оригинального сочинения о походах Умура, который в августе 1465 г. в несколько переработанном виде был включен поэтом в "Дюстур-наме".

ператору, удалось предотвратить это нападение, но при этом Умур потребовал от Кантакузина определить ему цель для набега. Иоанн Кантакузин использовал эту ситуацию. Пригрозив болгарскому царю Ивану Александру напустить на него Умура, Кантакузин добился мира с болгарями [19, с. 136–137; 6, с. 61]. Приблизительно в это же время (август 1341 г.) к Кантакузину в Дидимотику прибыло посольство от франкских баронов Мореи. Послы объявили великому доместику, что бароны готовы признать над собой власть императора. Кантакузин принял это предложение и обещал следующей весной (1342 г.) с войском прийти в Морею [6, с. 62]. Поскольку на пути Кантакузина стояли каталонцы, то разумным могло быть решение послать впереди себя Умур-бея с его огромным флотом, что, очевидно, и было сделано в сентябре 1341 г. Набег был опустошителен. Турки, вероятно, прошли вдоль всего побережья Коринфского залива. Сильно пострадали Патры, а бедственное положение фиванской церкви стало даже темой молитвы папы Климента VI 3 сентября 1342 г. [28, с. 42, примеч. 164].

Поход айдынцев закончился неудачей: Умур потерял свой флот. На постройку нового флота требовалось по крайней мере около года [8, с. 101]. Этим, очевидно, и объясняется, что в следующий раз айдынский эмир сумел прийти на помощь своему союзнику Иоанну Кантакузину лишь зимой 1342/43 г. [6, с. 67–68; 19, с. 148, 158].

Итак, поход айдынцев на Килию — это вставка, но вставка, в которой использованы подробности реального похода Умур-бея в Коринфский залив осенью 1341 г. Точнее даже говорить об использовании отдельных отрывков первичного текста, изъятого Энвери из контекста и после определенной доработки и правки примененного для создания вымышленной истории. Подобным образом Энвери рассчитывал, во-первых, скрыть от читателя (слушателя) то обстоятельство, что во время этого неудачного набега Умуру пришлось сжечь свой флот, а во-вторых, поэт явно стремился дать соответствующее историческое обоснование завоевательным походам османов, в данном случае — валашской кампании 1462 г. султана Мехмеда II Фатиха. Как уже говорилось, поэт участвовал в этом походе. В 1463 г. Энвери сопровождал великого везира Махмуд-пашу в походе на Боснию, что, на мой взгляд, объясняет вставку относительно похода Умура Айдыноглу в "страны сербов и албанцев". Идеями и соображениями объясняется и сам факт включения сказания о подвигах Умур-бея в текст "Дюстур-наме". Нетрудно заметить, что основными объектами набегов айдынского эмира в первой половине XIV в., так же как и завоевательных походов османской армии и османского флота, возглавляемых Махмуд-пашой в 1463–1470 гг., были Морея, о-ва Архипелага, Негропонт. Героические примеры из исторического прошлого не только служили мощным духовным стимулом — они давали османским султанам формальное право претендовать на полное обладание "византийским наследством". Если же подобных примеров в действительности оказывалось недостаточно, то они искусно изобретались

придворными историками. В этом отношении "Дюстур-наме" — одно из самых показательных сочинений в средневековой османской историографии.

Подчеркну в заключение, что сделанные мною выводы отнюдь не снижают ценности хроники как исторического источника. Части первичного текста, уцелевшие от переработки, произведенной Энвери, продолжают сохранять значение первоклассного источника по истории Юго-Восточной Европы, и особенно Эгейды, первой половины XIV в. Кроме того, знание принципов, которыми руководствовался Энвери, изменяя первичный текст, позволяет во многих случаях восстановить примерный текст оригинала.

1. Жуков К.А. Хроника Энвери "Дюстур-наме" как источник по истории Юго-Восточной Европы 30–40-х годов XIV в. — Бартольдские чтения (год восьмой): Тезисы докладов и сообщений. М., 1987.
2. Жуков К.А. [Рец. на:] *Zachariadou Elizabeth. Romania and the Turks (c. 1300–1500)*. L., 1985. — ВВ. Т. 48. М., 1987.
3. Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988.
4. Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л., 1983.
5. Медведев И.П. Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
6. Флоринский Т.Д. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Вып. 1. СПб., 1882.
7. Франчес Э. [Рец. на:] *Lévesque P. L'émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident*. Paris, 1957. — ВВ. Т. 15. М., 1959.
8. Фрейденберг М.М. На каких кораблях плавали далматинцы? (К истории средневекового судоходства у южных славян). — Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Вып. 1. Горький, 1973.
9. Хюсейн. Беда 'и' ул-века 'и' (Удивительные события). Изд. текста, введ. и общ. ред. А.С.Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю.А.Петросяна. Ч. 1–2. М., 1961 (ПЛНВ, XIV).
10. Akın N. Aydınoğulları tarihi hakkında bir araştırma. 2-ci baskı. Ankara, 1968 (1-ci baskı — 1946).
11. Alexandrescu-Derweca M.M. L'expédition d'Umur Beg d'Aydin aux bouches du Danube (1337–1338). — *Studia et Acta Orientalia*. Vol. 2 (1959). București, 1960.
12. *Chronici turcești privind țările Române*. Extrase. Vol. 1: sec. XV — mijlocul sec. XVII. Ed. M.Guboglu, M.Mehmet. București, 1966.
13. Courouporou M. Le siège de Philadelphie par Umur Pacha d'après le manuscrit de la Bibl. patriarcale d'Istanbul, Paneghias 58. — *Geographica Byzantina*. P., 1981.
14. Decel A. Istoria Imperiului Otoman pîna la 1656. București, 1978.
15. Düsturname-î Enverî, Neşr. Mükrimin Halil. İstanbul, 1928.
16. [Enveri]. Le destân d'Umür Pacha. Texte, trad. et notes par I.Mélikoff-Sayar. P., 1954.
17. Esin E. The Aegean Expeditions of Bayezid II (H. 903–906/1498–1500). The Conquest of Lepanto, Modon, Koron and Navarino. — *Erdem. Cilt 1. Sayı 3*. Ankara, 1985.
18. İnalcık H. The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600. L., 1973.

19. Lemerle P. L'émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur "La geste d'Umur Pacha". P., 1957.
20. Lemerle P. Philadelphie et l'émirat d'Aydin. — Philadelphie et autres études. P., 1984.
21. *Mikrimin Halil*. Düsturname-î Enverî. Medhal. İstanbul, 1929.
22. *Müneccimbaşı*. Derviş Ahmed. Sahaif al-Ahbar. Cilt 3. İstanbul, 1285.
23. [Neschrî]. Cihännümâ. Die altosmanische Chronik des Mevlânâ Mehemed Neschrî. Nach Vorarbeiten von F.Taeschner. Bd. 1: Einleitung und Text des Cod. Menzel. Lpz., 1951.
24. *Paradissis A.* Fortresses and Castles of Greece. Vol. 1–2. Athens — Thessaloniki, 1972–1982.
25. *Pîrî Reis*. Kitâb-i Bahriye. Neşredenler: Kurdoğlu F., Alpagot H. İstanbul, 1935.
26. *Zachariadou Eliz. A.* The Catalans of Athens and the Beginning of the Turkish Expansion in the Aegean Area. — Studi Medievali. Vol. 21. Fasc. 2. Spoleto, 1980.
27. *Zachariadou Eliz. A.* Note sur l'article de Matoula Couroupou. — Geographica Byzantina. P., 1981.
28. *Zachariadou Eliz. A.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Mentеше and Aydın (1300–1415). Venice, 1983.